

Соломон

Ольга Аверс

2023-10-23

Contents

Повествование ведёт моя давняя знакомая Авдотья Никифоровна.

Родительница моя, поди, родом не из городских будет, из деревенских. Это мы в городе мало что вокруг себя примечаем, всё в суете да в делах, кружимся день за днём, не замечая жизни. Дни бегут быстро, похожие друг на друга, словно близнецы. Как тут внимание обратишь на странности, если вокруг народу тьма — у каждого свои заботы. Городским, как правило, и дела-то до соседа нет. Иногда и вовсе здоровьичка пожелать забудешь — так, кивнёшь знакомому на бегу и дальше понесёшься по делам.

В деревне не так. Там всем до всего есть интерес. Живут люди, как большая семья, да и ребятишки почти как общие растут, в любой дом вхожи. Куда ни загляни — везде ломоть хлеба дадут. Если свадьба, так столы прямо на улице накрывают. Никто специально приглашений не рассылает, приходят все по-родственному. Вместе рождению нового человека радуются, ну и, конечно, в последний путь всей деревней провожают. Поддерживают друг друга, с дальними родственниками знают, как любила говорить моя мама: «Роднятся». И уж если странности с кем случаются, незамеченным такое не останется.

Так в деревне Е***ка, ***ского района, N*ского уезда, давным-давно, когда я ещё не родилась на белый свет, а моей маме было лет пять, жил дед Соломон.

Нет, это, конечно, не тот Соломон, который царствовал в Иудее. Как на самом деле звали того деда, теперь никто и не помнит, а имя своё он в народе получил потому, что умел сны разгадывать.

Бывало приснится в деревне мужику или бабе сон загадочный, и нейдёт из головы, мучает. Так они к Соломону, а тот и растолкует. Всё получалось так, как предсказывал старец. Колдуном ли был или провидцем — этого никто не знал. Только на деревне мудрым его считали, часто за советом обращались, поэтому и величали так.

Жил Соломон с красавицей женой, Прасковьей. Старше своей супруги был лет на двадцать или около того. Привёз он жену из соседней деревни. Прасковья слыла статной девицей: черноброва, коса в руку толщиной, взгляд лукавый из-под пышных ресниц. Не девка, огонь. Как перед такой устоишь? У всех парней дельные мысли из головы вылетали, когда Прасковья по улице с коромыслом шла. Все бабы по воду к роднику под гору ходили. Туда лихо добежишь. Всё ж налегке да с пустыми вёдрами, а обратно тяжко: в гору да с ношей.

Там же у родника и повстречал Соломон красавицу Прасковью. Мужик, что называется, в самом расцвете сил, правда вдовый, но детьми не обременен. Много баб находилось на деревне охочих до Соломона, да никто в душу ему не западал. Уж думали, всё — сычом так и проживёт остаток дней. А тут Прасковью увидал, и словно гром грянул. Долго не думали, в церкви обвенчались, свадьбу справили: в двух деревнях гуляли. Парни локти кусали, что чернобровая красавица старику досталась (именно таким и казался им Соломон!)

Переехала Прасковья в Е***ку, к мужу в избу. Целую телегу приданого родители снарядили ей. Стали молодые жить вместе. Сильно любил жену Соломон, души в ней не чаял. В деревне же всяко поговаривали про Прасковью, будто бы неверна она была мужу и других мужиков к себе привораживала. Чего только не придумают! Всё красота её не давала деревенским бабам покоя. Да и сама Прасковья знала цену себе, скромницей такую не назовёшь. Впрочем, речь пойдёт не об этом.

Когда Соломон умер, Прасковья ещё молодой была. Ох, как же убивалась она по мужу! Стояла у гроба и всё причитала: «Да на кого ж ты меня оставил? Нет жизни мне без тебя. Зачем ты покинул меня? С кем же я теперь по ночам говорить-то буду? Встань, друг любезный, не уходи или заberi к себе!»

Говорят, что с желаниями и словами аккуратными нужно быть, ибо силу животворящую они имеют, а уж речами к покойному тем более. Так и случилось. Чуть не забрал «милый друг» Прасковьюшку, как она того и хотела. И хотя тело Соломона закопали в сырую землю, однако дух его стал наведываться в дом к ненаглядной каждую ночь.

«Как?» — спросите вы.

А вот так, что вся деревня видела.

Только летом начнёт смеркаться, появятся длинные фиолетовые тени от заката, как весь деревенский люд наблюдал такую картину: летит по небу шар огненный с хвостом, многие бы сказали, что на комету похож, только меньше по размеру, как шаровая молния. Пролетит, значит, огненный шар по едва потемнённому небу и упадёт за домом вдовы Соломоновой, искрами рассыплется. И звук, будто снаряд разрывается. Люди и говорят: «Никак нечистый к Прасковье прилетел».

Заметили сельчане, что изменилась вдова. Успокоилась быстро, траур скинула, брови стала подводить, глаза заблестели да румянец проступил на бледных щеках. Нехорошо это. Ведь сорок дней ещё не прошло, а вместо скорби у Прасковьи радость на лице. Люд деревенский дотошный, сердобольный. Прямо-то спросить боязно, а ну как в шею погонит любопытных. Так бабы с вопросами к сношельнице^[1] вдовиной пристали, которая прослыла в деревне честной и набожной женой, чего нельзя было сказать о Прасковье.

Вот Анна и вывела родственницу на откровенный разговор, и выяснила, что Прасковья каждый вечер с покойным мужем встречается, всю ночь разговоры ведут, она щами да пирогами его потчует. Приходит Соломон на зорьке вечерней. Сильным стуком в дверь возвещает о себе. Появится на пороге статный, как в молодости, каким Прасковье его и знать не знала, поскольку мала была и ещё под стол пешком ходила. Спросит Соломон разрешения в дом войти. Прасковья и рада-радехонька. Позволения даст, за стол усадит и потчевать начнёт.

— Ох, и сильный он, Аннушка, — рассказывала Прасковья. — Совсем не устаёт. Не было при жизни такого. За одну ночь и дров наколот, и печку побелил, и... — в этом месте вдова краснела и глаза в сторону отводила. — Ступает бесшумно. И всё-то в руках у него спорится. Вот только к детям не подходит. При жизни-то он их любил. Придёт, бывало, поздно, дети уже спят, а он каждого по голове погладит да в маковку поцелует. А сейчас даже в переднюю не проходит.

— Ох, Параша! — всплеснула руками Анна. — Знаешь ли ты, кто по ночам к тебе приходит? Не муж это твой, а нечистый в мужнином обличье. Погубит он тебя, если не прекратит всё это!

Прасковья вытаращила полные ужаса глаза на сношельницу, будто откровение это никогда ей прежде и в голову не

приходило. Холодом тело обдало, леденящий страх в сердце закрался.

— Что же мне теперь делать? — побледневшими губами прошептала Прасковья. — Он обещал и сегодня вернуться... Я боюсь, Аннушка!

— Значит так, Параша, — рассудила родственница, — я приду к тебе сегодня, как только сумерки спустятся. Помогу от нечистого избавиться.

На том и решили. Как только начало смеркаться, Анна постучалась в дом Прасковьи. В руках держала Псалтырь, серебряный крест и святую воду.

— Запри дверь, Параша! — велела родственница.

Заметила Анна, что образа в переднем углу шторами прикрыты. Покачала головой. Раздвинула завеси, впустила Божий лик в избу.

Села Анна под образа и начала читать Живые Помощи:

— Живѣй въ помѣщи Вѣшняго, въ кровѣ Бѣга небѣснаго водворитсѣ, речѣтъ Гѣспѣдеви: заступникъ мой еси и приближище мое, Бѣгъ мой, и упѣваю на Него. Яко Тѣй избавитъ тѣя от сѣти ловчи и от словесѣ мятѣжна...^[2]

Закончив читать, Анна встала и перекрестила каждое окно в доме. На дверь же тройной крест наложила и святой водой сбрызнула.

Спокойно на душе стало. Сели бабы за стол, лучинку зажгли, отдыхают. Тихо. Слышно только, как дети в передней посапывают, да кот на печке мурлычет. Время шло. Уж и вечерняя зорька ночью сменилась, а ничего странного не происходило. Дрёма стала одолевать снох. Сомнение в душу прокралось: «А не померещилось ли Прасковье всё? Не приснилось ли?»

Внезапно раздался громкий хлопок возле дома. Яркие искры в окна полетели. Кто-то люто в дверь забарабанил, того и гляди в щепу разлетится. Мороз пробежал по коже, снохи от ужаса онемели и к месту приросли.

— Пришёл, — прошептала Прасковья.

Подскочить бы с места да под образа встать, но не могут и пошевелиться. Глядят на дверь, а там и правда Соломон стоит, молодой да красивый, глаза чёрные всю радужку закрывают, бесовским огоньком поблёскивают, и улыбка на лице, будто

оскал звериный. Спиной к двери прижимается да на Прасковью свирепо смотрит. Пытается отлепиться от двери, шаг в избу сделать, а не может, словно стена невидимая путь преграждает.

— Уходи отсюда! И больше не приходи, — первая опомнилась Анна, выставив перед собой Святое Евангелие с крестом, будто щит.

Соломон оторвал лютый взгляд от Прасковьи и взглянул на Анну, будто до этого и не замечал жену брата. А та вновь Живые помощи громко читать начала:

— Живѣй въ по́мощи Вы́шняго, въ кро́вь Бо́га небѣснаго водворится,

рече́тъ Го́сподеви: заступникъ мой еси́ и прибли́жище мое́, Бо́гъ мой, и упова́ю на Него́. Яко́ Той изба́вить тя́ от сѣ́ти лóвчи и от словесе́ мятѣжна:

плещма́ Сво́йма осѣ́нить тя́, и подѣ крилѣ́ Его́ надѣ́шися: ору́жиемъ обы́детъ тя́ исти́на Его́. Не убойши́ся от стра́ха но́чнаго, от стрѣ́лы летя́щія во днѣ́, от ве́щи во тмѣ́ преходя́щія, от сря́ща {от нападе́нія} и бѣ́са полуденнаго.

Соломон взвыл страшным голосом, обратился в шар огненный и с треском схлопнулся.

В избе воцарилась тишина. Запахло палёной овчиной, и только Анна продолжала бормотать:

— Падѣть от стрелы́ твоея́ ты́сяща, и тма́ одесну́ю тебе́, къ тебѣ́ же не прибли́жится: оба́че очѣ́ма тво́йма смóтриши и воздая́ніе грѣ́шниковъ ў́зриши. Яко́ ты́, Го́споди, упова́ніе мое́: Вы́шняго положи́ль еси́ прибли́жище твое́. Не прѣ́идеть къ тебѣ́ зло́, и ра́на не прибли́жится тѣ́лесѣ́ тво́ему {селѣ́нію тво́ему}: яко́ А́нгеломъ Сво́ймъ заповѣ́сть о тебѣ́, сохра́нити тя́ во всѣ́хъ путѣ́хъ тво́ихъ. На рука́хъ вóзмуть тя́, да не когда́ преткне́ши о ка́мень но́гу твою́: на а́спида и васили́ска настúпиши, и попере́ши льва́ и змія́. Яко́ на Мя́ упова́, и изба́влю ѳ́: покрýю ѳ́, яко́ позна́ ѳ́мя Моё́. Воззовѣ́тъ ко Мнѣ́, и услы́шу его́: съ нѣ́мъ е́смь въ ско́рби, изму́ его́ и просла́влю его́: долготóю днѣ́й испо́лню его́ и явлю́ ему́ спасѣ́ніе Моё́.

Анна дочитала псалом до конца, а Прасковья всё это время на коленях стояла, слезами заливалась, тряслась от страха, на образа смотрела и крестный знак на себя не переставала накладывать.

В ту ночь Анна осталась в доме сношельницы. Никто больше не приходил к ним. Да и в последующие ночи тихо было.

Постепенно позабыли в деревне о том, что когда-то прилетал к Прасковье нечистый. Последняя не смогла больше жить в том доме. Собрала детей и уехала к родне в соседнюю деревню.

^[1] Сношельница — сноха (жена брата мужа).

^[2] Псалом 90, цитата на церковно-славянском языке.

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>